

Самое интересное Александр 18.11.06
Исаев

ИНТЕРВЬЮ

Повод для беседы с Натальей Дмитриевной Солженицыной — выход трех томов из наиполнейшего собрания сочинений классика. Все крупные романы, отчасти переделанное “Красное колесо”, неизданные раньше “Литературная коллекция”, “Очерки возвратных лет” и “Дневник Р-17”. Писателю скоро 88. Путь сквозь советские и постсоветские страсти с ним прошла Наталья Дмитриевна, жена.

СКВОЗЬ ТЕРНИИ — К СОЛЖЕНИЦЫНУ

Жена великого
писателя:
“Отравить его
не смогли”

— Наталья Дмитриевна, женой гениального мужчины, как известно, может быть только гениальная женщина. Вам трудно?

— Мне жить с ним — легко, а наша общая жизнь — трудная. Была масса опасностей, мы поражаемся, что мы дожили. Мы были готовы к тому, что его убьют — было покушение на него в 71-м году, его отравили так, как потом отравили Георгия Маркова. Мы вырастили троих сыновей... Но мы делаем общее дело — я помогаю ему в его деле, я очень люблю эту свою роль.

— Кто кому предложил работу над ПСС — вы издательству или издательство вам?

— Когда мы возвращались на родину в 94-м году, Александр Исаевич мне сказал: “При моей жизни, а надеюсь, и после моей смерти ни одному издательству ни одну мою книгу ты не предложишь. Если мои книги будут нужны, нас сами найдут и предложат”. В середине 90-х мало предлагали и почти ничего не печатали. Потом ситуация стала меняться. Я для этого не делаю абсолютно ничего, литературного агента у нас нет, так что это факт общественной жизни.

— Лагерь — это стресс на всю жизнь. Теперь, когда наступила относительно комфортная, уютная жизнь, как Солженицын вспоминает лагерь?

— Александр Исаевич никогда не вспоминал лагерь, тюрьму и даже самые страшные годы как проклятие. У него в “ГУЛАГе” есть слова: “Благословение тебе, тюрьма, что ты была в

моей жизни. А из могил мне отвечают: хорошо тебе говорить, ты жив остался”. Но, оставшись живым, он тем не менее всегда воспринимал это как Божий промысел — это была такая школа, такая учеба, которая ничем не могла быть заменена. Чем бы он был — был бы советский писатель, талантливый, который отражал бы невесть что. Но и сказать, что с какой-то специальной нежностью он вспоминает, нельзя. А друзей по лагерю он вспоминает по сей день.

— А есть ощущение этого Божьего промысла? Его чудесное избавление от рака в 54-м стало притчей во языцех.

— Он об этом писал в “Теленке”, он говорил, что я — как меч, заговоренный рубить врагов. Заговоренный в том смысле, что он не переламинается при ударах. Кажется, все, безвыходная ситуация, а вот не погубили, а выслали... Он много лет боялся, что умрет раньше, чем исполнит то, что он считал нужным исполнить. Он всегда спешил, считал — не успеет. Уже с начала 90-х он был готов умереть в любой день, главное он сделал.

— Вам не страшно такие вот слова говорить?

— Совсем не страшно, вы знаете... Александр Исаевич никогда не боялся смерти. Он всегда относился к смерти как к ступеньке в иное существование, всегда спокойно и светло. А я — так и с большим любопытством. Мне кажется, после смерти мы будем очень много знать. Для нас смерть — это факт жизни.

— Какими глазами классик смотрит на нашу сегодняшнюю жизнь — с плазменными панелями, поп-звездами, брендами и трендами?

— А он на нее не смотрит, эту сторону он не выносит. Он не смотрит рекламу, вообще телевидение, он смотрит только новости раз в день и читает газеты — первые две-три страницы, где нет рекламы. Это очень печальные, но неизбежные вещи.

— А литература? Есть ощущение, что она больше всего нуждается в оценке человека как будто из другой эпохи. Чтобы указать многочисленным “писателям” их место...

— Читает он много. Дали мы в прошлом году премию Варламову, мы верим, что это очень честное, чистое имя в литературе. Есть хорошие писатели. Но крупных писателей он пока не видит. Он открывает каждый раз толстый журнал и ждет, что придет такой писатель. Он был бы счастлив, но пока такого нет.

Вера КОПЫЛОВА.